

Талейдоскоп

Тим Скоренко

ВДОЛЬ ПО ЛЕЗВИЮ СЛОВ

Талейдоскоп

Тим Скоренко

ВДОЛЬ ПО ЛЕЗВИЮ СЛОВ

Москва
«Фантаверсум»
2012

УДК 821.161.1-822
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-445
С44

Талейдоскоп

Серия основана в 2012 г.

С44 **Скоренко Т.**

Вдоль по лезвию слов / Тим Скоренко;
илл. на обложке М. Никифоров;
дизайн серии Н. Караванова. – М.: Фантаверсум, 2012. –
312 с. – (Талейдоскоп). –
ISBN 978-5-905360-15-2

Творчество Тима Скоренко — писателя, поэта, музыканта, журналиста, популярного блогера, путешественника, человека тысячи других увлечений — настолько же разносторонне, как он сам. Любитель экспериментировать, он редко когда пишет похожие друг на друга рассказы. Вещи, выходящие из-под клавиш его клавиатуры, всегда резкие, неожиданные, задающие непростые вопросы — и одновременно с тем увлекательные и запоминающиеся.

УДК 821.161.1-822
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-445

ISBN 978-5-905360-15-2

© ООО «Фантаверсум», 2012
© Караванова Н., дизайн серии, 2012
© Филонова О., фотография на задней стороне
обложки, 2009

Предисловие

Зная Тима Скоренко, невозможно однажды не прийти к мысли о том, что способность жить насыщенной, разносторонней жизнью — это своего рода талант, который при рождении даётся не всем. Тим обладает этим талантом в полной мере, и можно завидовать ему — пока не станет ясно, что выдерживать такой накал, такую концентрацию событий и впечатлений способен далеко не каждый. Я, например, не могу. Честное слово, мне иногда кажется, что у этого человека семьдесят два часа в сутках!

Тим очень много пишет, пожалуй, больше, чем все известные мне люди пера. Он журналист, за последние несколько лет он опубликовал великое множество статей, иной раз бывает до полудюжины в месяц. Он поэт и бард, у него сотни стихов и песен. Он популярный блогер и постоянно радует своих читателей эксклюзивными материалами. «Тим, — говорил я ему, — вот ты пишешь тексты, большие, интересные, с кучей картинок, — неужели тебе не жаль, что они висят только в Интернете?» «Всё о'кей, — отвечал мне Тим. — Есть тексты для бумаги, есть для Сети. Хотя некоторые я бы с удовольствием опубликовал». В принципе в этом имеется своё рациональное зерно: читателей у Живого Журнала Тима Скоренко поболее, чем у иного бумажного издания.

И, конечно, он писатель и в этом своём амплуа тоже весьма успешен. Обычно люди, которые пишут много, — пишут скучно и одинаково. Но тут другой случай. Тим редко когда возвращается к одной теме, к одной идее, к одной ситуации. «Я об этом уже писал, мне это не интересно». Собственно, к мысли создать новую серию мы в издательстве пришли, столкнувшись с невозможностью определить сборник Тима Скоренко в одну из уже существующих: рассказы казались слишком разными.

Я ещё не сказал, что Тим — увлечённый путешественник. Одно время его девизом было: «Ни недели без нового города!» — и он действительно каждую неделю куда-то ехал, причём не праздно, а вооружившись тщательно собранной информацией, он изучал каждый город или городок до мелочей. Сейчас он ездит реже, но дальше — исследуя пространство за пределами бывшего Советского Союза.

И все впечатления от поездок, все многочисленные интересы Тима находят отражение в его текстах — вы прочтёте об этом в авторских комментариях после каждого рассказа.

Пожалуй, предисловие к книге, претендующей на всестороннее раскрытие творчества писателя, не может обойтись без био- и библиографических сведений.

Тим Скоренко родился 28 февраля 1983 года в Минске. Там же окончил школу, а затем Белорусский национальный технический университет. В 2009 году Тим переехал в Москву и вскоре стал редактором в журнале «Популярная механика», где и работает до сих пор.

Стихи и песни Тим Скоренко пишет с 2002 года и весьма преуспел в этом начинании. Прозу — с 2004 года. Его первый рассказ был опубликован в 2008 году («Тихие игры» в альманахе «Подъём. XXI век»), первый роман — «Ода абсолютной жестокости» — вышел из типографии в 2010 году и тотчас же был удостоен премии «Серебряная стрела». Следующий роман, «Сад Иеронима Босха», произвёл эффект взорвавшейся бомбы и получил уже три награды: «Бронзовый кадуцей», «Бронзовый Роскон» и «Бронзовую (что характерно) улитку»; Борис Стругацкий, говоря о будущем отечественной фантастики, назвал три фамилии — и одна из них была фамилия Скоренко. Третий роман Тима, «Законы прикладной этаназии» (2011 год), тоже был отмечен рядом премий. А впереди уже виднеется и четвёртый, и пятый — как говорится, *semper in motu*.

*Александр Петров
редактор-составитель*

Время хорошего человека

Дилижанс появляется на горизонте. Главное событие недели — вести извне. Иногда дилижанс не доезжает: его грабят, пассажиров убивают или бросают в прерии. Это примерно одно и то же. Тогда приходится ждать дольше, так как новый дилижанс появляется не раньше чем через месяц.

Поднимается пыль. Я стою у крайнего дома и смотрю на приближающийся экипаж. Жители постепенно скапливаются. Они покидают дома с надеждой, что сегодня что-нибудь изменится. Что в каком-то из писем будут жизнеутверждающие новости. К примеру, к нам строят железную дорогу. Или нас решил посетить шериф. Впрочем, какой шериф. Ему добираться — пять-сот миль.

Джек Бонд объявился в городе семнадцать дней назад. Он приехал с востока на собственной лошади, у него с собой было полфляги воды, два колыта и неотразимая улыбка. В его глазах светилось то, чего не хватало в наших: жизнь. Он спешился, зашёл в салун и попросил пива. Пиво Бак варит сам. Хорошее пиво, не думаю, что где-нибудь ещё есть такое.

Джек Бонд сидел у стойки и провожал глазами Китти, дочку старика Картера. Картеру — за шестьдесят, а девочке — семнадцать. У неё ладная фигурка, грудь под блузкой вздымается привлекательно, волосы чёрные, ниже пояса.

То есть были. Была фигурка, были волосы.

Бонд прожил в городе три дня. А затем сел на лошадь и уехал. Ночью. И забрал с собой Китти. Она оставила Картеру записку: мол, захотела уехать сама, не желаю прозябать в этой дыре, Джек

увозит меня в город. Буду писать, всё в порядке. Наивная глупышка.

Но вернусь к дилижансу. Он останавливается. Кучер сползает вниз. Это Дженги, молодой парень, решившийся на такую работу из-за неплохих, в общем, денег. Он приезжает всего в четвёртый раз, но его уже любят. Он заботлив, письма раздаёт лично, всегда спрашивает, не надо ли кому что привезти из большого города, и ведь привозит. Но сегодня он мрачен.

— Привет, Дженги! — говорит Систей.

Систей — это начальник нашей полиции. То есть единственный носитель закона в городе. Он не именуется шерифом: шериф в пятистах милях. Систей — вроде местного представителя. Ему около пятидесяти, но он подтянут и силен. Только стреляет плоховато из-за зрения. Он справедлив. Когда у жителей возникают конфликты и ссоры, они идут к Систею, и он всегда находит верное решение.

— Привет.

Дженги, подбоченься, стоит у дилижанса.

— У меня тут невесёлый груз.

Толпа обступает его.

В городе около двухсот жителей, даже больше. Для такой дыры — достаточно. Зато у нас есть море.

Дженги забирается на крышу дилижанса и аккуратно начинает спускать большой свёрток из тряпья. Это человеческое тело, запелёнаное в тряпки и простыни. Систей и Бык принимают груз. Бык — двухметрового роста, туповатый, но очень добрый и отзывчивый. Его все любят. Он всегда помогает с тяжёлыми работами.

Тело кладут на землю. Систей разворачивает тряпки.

Это Джек Бонд. Его ещё можно узнать, хотя лицо покрыто пятнами разложения. Старик Картер поднимает голову и смотрит на Дженги. Когда Дженги начинает спускать второе тело, старик Картер падает на колени и плачет.

Берта Хоспейна поначалу никто не замечает. Они разворачивают второй свёрток, смотрят на обезображенное лицо Китти, переговариваются. Кто-то пытается успокоить Картера, гладит его по сутулым плечам. Дженги молча стоит у дилижанса.

Дверь кареты открывается, и выходит Берт Хоспейн. Я сразу его замечаю, потому что не хочу смотреть на трупы. Пока все рассматривают Китти, Берт идёт по направлению к салуну, прочь от толпы. Собственно, тут большая часть жителей города. Но у Берта другие цели. Я провожаю его взглядом, он оборачивается и обращает на меня внимание. Подходит ко мне.

— Привет. Я — Берт Хоспейн.

— Билл.

— Очень приятно.

У него столичный выговор, здесь так не говорят.

— Скольких жителей в вашем городке? — спрашивает он.

— Человек двести.

Отец учил меня читать, писать и считать. Я могу сосчитать до тысячи, умею складывать и умножать. Делить, кстати, тоже. Большая часть городка — неграмотные. Иногда меня зовут на помощь, чтобы рассчитаться за что-нибудь.

— Двести первый не помешает?

Это шутка. Она сейчас неуместна, но он, видимо, не понимает ситуации. Его можно простить.

Он одет в серые брюки и сапоги с острыми носами. Пиджак — поверх клетчатой рубашки. Такое ощущение, будто он насмотрелся на ковбоев из родео (я видел родео дважды, когда мы ездили в большой город с отгулом пару лет тому назад). Так ярко и вычурно тут не одеваются. Хотя чёрт его знает: может, в центре так принято. Это у нас, в глуши, одеты все непонятно во что, никто ни перед кем не выставляется. Хотя не думайте: мы тоже умеем принарядиться. На праздники всякие, на свадьбы.

— Не помешает, думаю. Хотя сейчас не время, — киваю на толпу и мертвецов.

— Это кто-то из жителей?

Он мгновенно мрачнеет.

Киваю.

— Дочь старика?

Снова киваю.

— Ну, извини, не знал.

Пожимаю плечами. В общем, он ничего не сделал. Мне она, конечно, нравилась, как все девчонки нравятся парням в моём возрасте. Но в целом мне её смерть безразлична. Все когда-нибудь скопытимся.

— Тут у кого остановиться можно? — спрашивает он.

Можно у Бака. Можно у Дылды. Можно у Роджерсов. В общем, много у кого можно.

— Вон, — показываю, — Роджерсы стоят. У них спросите.

— Спасибо.

Он идёт к чете Роджерсов. Они благонаправные, лет пятидесяти, спокойные. Они постоянно ждут писем от своих детей (все трое давно уехали покорять мир), порой их даже получают, но к дилижансу подходят последними, чтобы не усугублять толкотню. Они разговаривают.

На самом деле, это довольно сложно — создавать видимость безразличия. Мне страшно интересно, что он за человек. Что ему понадобилось в нашей дыре. Как он будет тут жить и чем заниматься.

Старик Картер лежит лицом вниз и бьёт кулаком по земле. Дженги достаёт письма и передачи. Жизнь идёт своим чередом.

Джек Бонд за два дня своего пребывания в городе успел организовать местечковые соревнования по стрельбе. Мишень сколотили из досок, намалевав на них красный круг с белым пятном посередине. То есть сделали несколько таких мишеней, конечно. Одну-единственную пули расколошматили бы в минуту.

Бонд взялся быть судьёй и обещал обучить стрельбе мальчишек. Он очень красиво доставал револьвер, крутил его на пальце, а потом стрелял от бедра, не целясь, и всегда попадал в белое пятно, пусть и не в самый его центр. Он сказал, что принимать участие в соревнованиях не будет, поскольку так нечестно.

Соревноваться пришли все, у кого было хоть какое-то оружие. Старик Картер принёс огромное ружьё, переделанное из охотничьего в боевое. Его засмеяли. Эта штукавина не имела

даже прицела, а два ствола были такого калибра, что можно положить слона. Картер целился быстро. Он вскидывал ружьё (и откуда только силы у старика?) и нажимал на спуск.

Картер не промахнулся ни разу. Его удивительная ручная мортира в умелых руках оказалась точнее новенького кольца Дылды (ему как раз привезли из большого города) и проверенного годами смит-вессона Систея.

Джек Бонд вручал Картеру приз (ящик пива от Бака и отличный нож от самого Бонда) с видимым уважением. Китти смотрела на отца и на Бонда с восторгом. Она уже знала, что завтра уезжает со своим героем. Но она мысленно клялась писать отцу, я уверен. Вряд ли она бросила бы его навсегда и никогда бы не вспоминала.

Каждый день я вижу Берта Хоспейна. Он хорошо вписался в городок. В какой-то мере он своим появлением облегчил старикку Картеру утрату Китти. Каждый день они играют в карты на крыльце дома Роджерсов. Билл Роджерс иногда присоединяется к ним, но всё-таки большую часть времени проводит на огороде.

В какой-то момент я иду мимо забора вдовы Бранк и вижу Берта, развешивающего бельё. Я останавливаюсь и смотрю на него.

— Привет! — он широко улыбается.

— Привет. Это не мужская работа.

Берт качает головой.

— Нет работы, которая была бы «женской» или «мужской». Запомни это. Если мужчина способен помочь женщине развесить бельё или вымыть посуду, он не перестаёт быть мужчиной. Зато он становится галантным и вежливым мужчиной.

— Да вдове Бранк ваша галантность уже ни к чему.

Ей, кажется, девяносто лет. Её дочь умерла, но внуки поддерживают её.

— Но помощь-то ей нужна. Она сама постирать любит, а вот повесить уже не может, потому что позвоночник старый. Мне-то помочь нетрудно.

Это эпизод, очень хорошо характеризующий Берта Хоспейна. Я постоянно замечаю его, помогающего тому или иному человеку. Вот он вырезает игрушечную лодку для сына Джета Филлза. У Филлза нет трёх пальцев на правой руке, и он не может сделать сыну хорошую лодку. Вот Берт перекрывает крышу у Маргарет Бэнкс, и Маргарет, сорокалетняя старая дева, провожает его томными взглядами. Вот Берт первым встречает дилижанс Дженги и помогает выгружать посылки и письма. Вот он ведёт лошадей в стойло, чистит их, кормит.

Через некоторое время Берт становится неотъемлемой частью городка. Это чувствуется. Будто Берт — это какой-то очень нужный и полезный инструмент, и совершенно непонятно, как мы раньше жили без него. Даже мой отец, человек принципиальный и живущий крайне обособленно, один раз позвал Берта на помощь, когда нужно было выкорчевать огромный пенёк на окраине нашего участка. Да, я забыл сказать: у отца ферма в двадцати минутах ходьбы от города. Он очень много работает, но меня привлекает крайне редко. Он не хочет, чтобы я прожил жизнь на ферме; у него есть мечта отправить меня учиться в большой город.

Джека Бонда убили выстрелом в спину. Может, он и кичился своими достоинствами, преувеличивал их, но всё же стрелять умел неплохо. Не думаю, что кто-то победил бы его в честном поединке, хотя в своей жизни я видел всего двух ганфайтеров. Я точно помню сцену, произошедшую на рынке в большом городе. Отец прикрыл меня собой, чтобы в меня не попала шальная пуля. Ганфайтеры стояли на расстоянии примерно пятидесяти футов друг от друга. У каждого было по два револьвера — тяжёлых, длинноствольных «Дакоты», блестящих на солнце. Они смотрели один на другого, не отрывая глаз. Толпа ждала развязки. Конечно, за их спинами не было никого: ганфайтеры довольно часто промахиваются, ведь игра идёт не на точность, а на скорость.

Первым выхватил револьвер латинос в драных кожаных штанах. Его пистолеты стояли больше всей его одежды, я думаю. Но он промахнулся. Второй доставал оружие, не торопясь, ва-

ляжно, будто издеваясь. Латинос уже четырежды нажал на спусковой крючок, когда первый и последний выстрел белого ударил его в живот. Он лежал на земле и стонал, а белый подошёл (никто не решался сделать это раньше победителя) и забрал пистолеты соперника. И растворился в толпе.

Джек Бонд был именно из такой породы. Он доставал револьвер чётко, легко, но как-то театрально, не торопясь, не дёргаясь. Он был ганфайтером до мозга костей, мне кажется. Поэтому его нельзя было убить спереди. Поэтому дыра на уровне сердца в его кожаном жилете располагалась на спине.

А вот про Китти Картер доктор Джонсон ничего не сказал. Первым он осматривал Бонда и выдал заключение через пять минут. Чистое попадание, кольт 38-го калибра, насмерть. Чтобы рассказать про Китти, он позвал к себе троих: старика Картера, Систея и Бака. Бак всегда был очень надёжным и логичным человеком, поэтому Систей часто привлекал его к решению мировых проблем.

Но был и четвёртый слушатель: я.

— Я не знаю, как это описать, — сказал Джонсон.

— Как есть, — прохрипел Картер.

И Джонсон рассказал всё как есть.

Китти Картер изнасиловали перед смертью. Она сопротивлялась, у неё были синяки на запястьях и на ногах, шишка на лбу. После изнасилования убийца задушил девушку. Но не это потрясло доктора. Изнасилования случались довольно часто в солдатской среде, где раньше работал Джонсон (до переезда в нашу глухомань он был военным медиком). Здесь же девушке надрезали вены и аккуратно сцедили кровь. Не всю: часть успела свернуться.

«Возможно, я ошибаюсь, — тихо сказал доктор. — Возможно, душили её уже после того, как сцедили кровь. У меня нет инструментов и знаний, чтобы это определить».

Старик Картер поднялся с места и спросил: «Это Бонд?»

«Нет, — ответил доктор. — Точно не Бонд. Она умерла на несколько суток позже него».

Вот так всё и было. Я не боялся. В отличие от взрослых я верю, что вампиры существуют. И мне казалось, что они в этом замешаны.

Я сижу на берегу озера. Мы называем его морем, потому что до настоящего моря нам никогда не добраться. То есть я, может, и доберусь, а вот большинство жителей городка — нет. Озеро довольно большое. Питьевую воду мы берём, конечно, из колодцев, но для стирки, например, проще пройтись полчаса до озера. Оазис вокруг — небольшой, пара деревьев, и всё. Остальное — выжженная прерия.

Я слышу шаги позади. Это Берт Хоспейн. Он, как всегда, улыбчив, в хорошем настроении. Он подходит, молча садится рядом. Протягивает мне тканевый мешочек. Это крекеры мадам Миллер. Она сама когда-то попросила называть её не «миссис», а «мадам». Мы не возражали. Мне кажется, ей это идёт. Только настоящая мадам может так жестоко держать своего муженька под каблуком.

Я зачерпываю крекеров.

— О чём думаешь?

— Ни о чём.

Это разговор взрослого с подростком: он не может быть естественным. Я не могу сказать, что меня тяготит общество Берта, но всё же одному мне лучше.

— Какие добрые дела сегодня сделали, мистер Хоспейн? — спрашиваю я, потому что мне неловко сидеть в тишине.

Он усмехается.

— Стойку с Баком подремонтировали. Баннерсу револьвер починил, там курок заедал...

Я не даю ему договорить.

— Вы умеете чинить оружие?

— Я много чего умею. Работал как-то на оружейном заводе.

— А почему у вас нет пистолета?

— Мне не нужен пистолет. У меня нет врагов.

Мне кажется, что в его голосе проскальзывает печаль. Ему грустно от того, что у него нет врагов. Это как в старом анек-

доте. Едут два всадника, вдруг мимо них что-то проносится с огромной скоростью. «Это кто?» — спрашивает один. «Неуловимый Джо», — отвечает второй. «А что, его никто не может поймать?» — «Да нет, просто никто его не ловит». Так и тут. Берта никто не ловит. Неуловимый Берт.

— А стрелять вы умеете?

— Немного.

— А вы можете меня научить? Отец отказывается. Он говорит, что я с пистолетом — это конец всему городу.

Берт смеётся.

— Может, в какой-то мере он прав. Ну... — он демонстративно думает. — Наверное, я мог бы тебе помочь. Я одолжу револьвер у Баннера, мы потренируемся немного.

Я знал, что он не откажет. Он и в самом деле никому ни в чём не отказывает, этот странный человек.

Джека Бонда похоронили на городском кладбище, будто он прожил тут всю жизнь. Старик Картер проникся к мёртвому ганфайтеру каким-то отцовским чувством, потому что тот раздел судьбу его дочери. Тем не менее цветов на могилу Джека никто не принёс, зато их принесли вдоволь на могилу Китти. Даже мой отец, человек строгий и занятой, бросил небольшой букетик, хотя я думал, что он вовсе не придёт на похороны.

Берт тогда был совсем новым человеком в городе, но я заметил, что он долго стоял у могилы Китти — даже когда все разошлись. Но самым странным оказалось другое.

Я люблю засунуть нос не в своё дело, это факт. Таким образом я и подслушал монолог доктора на вскрытии Китти. Я просто спрятался наверху и приложил ухо к щели между досками.

Я заметил, что Берт иногда ходит на кладбище — по вечерам, в темноте, когда все уже сидят по домам или отдыхают в салуне. Он отправлялся на кладбище без фонаря, будто прекрасно видел ночью. И в один такой вечер я пошёл за ним.

В целом по кладбищу несложно пробираться, особенно при яркой луне. Трава и чёткие силуэты крестов, за которые можно ухватиться, если начнёшь падать. Я шёл тихо и осторожно: фи-

гура Берта маячила впереди. Он остановился. Я догадался, что это могила Китти. Я подобрался ближе и через некоторое время услышал плач. Берт сидел, обняв деревянный крест на могиле погибшей девушки, и рыдал. Послушав его рёв ещё несколько минут, я отправился домой.

«Быстрее!» — кричит во дворе Боб, парень с соседней фермы.

Я вылетаю из дома и бегу за ним. У него нет ни времени, ни желания объяснять, куда и зачем мы бежим. Я едва успеваю. До города идти около двадцати минут, а бежать — вдвое меньше, зато тяжело. Впрочем, я выносливый.

Когда мы вбегаем в город, я сразу вижу: что-то не так.

Из переулка между домом Хиллари Спейн и конюшней (это общая конюшня для путников, которых тут почти не бывает, она выходит на главную улицу) столпотворение. Мы, мальчишки, легко пробираемся через толпу.

Первое, что я вижу, это широкая спина Систея. Он сидит на корточках и рассматривает то, что лежит на земле. Это тело. Белое, точно из него слили всю кровь. Я узнаю лицо: жена молочника, миссис Хайнс. Ей было около тридцати пяти, она уже начинала заметно полнеть. Но теперь её тело выглядит худым, опавшим. Напротив меня — доктор Джонсон. Он едва заметно кивает шерифу, и тот накрывает тело простынёй.

«Это он», — слышен хриплый мужской голос. Говорит старик Картер. Шериф свирепо смотрит на Картера, и тот всё понимает.

Все эти детали подмечаю только я, потому что я, что называется, в курсе дела. Шериф прав. Не стоит людям знать о том, что среди них бродит вампир.

Неожиданная догадка проскальзывает в моём мозгу. Детали постепенно складываются в одно целое. Берт Хоспейн, появившийся одновременно с трупом девушки. Он же, рыдающий на её могиле. Многого не хватает для полноты картины. Но, конечно, я не могу рассказать об этом даже Систею. Он попросту мне не поверит.

Когда мне было восемь лет, отец дал мне почитать книжку о вампирах. Это были рисованные истории в мягком переплёте. Точно такие я уже читал — про Джесси Джеймса. В то время как мои сверстники восторгались героическими приключениями и ограблениями, совершёнными легендарным бандитом, я листал книжку про вампиров и думал, каково это — никогда больше не увидеть рассвета, зато обрести вечную жизнь. Конечно, в том восторженном возрасте рассвет был гораздо притягательнее, чем любая вечность. Сама жизнь казалась вечностью.

Теперь, пять лет спустя, я несколько изменился. Я видел смерть своими глазами и стал понимать, что это — навсегда. Если человек уедет в большой город, или даже в другой штат, или в другую страну, он может ещё вернуться. Вы можете встретиться с ним в каком-нибудь другом месте, например. Но если человек умирает, его не будет больше никогда. Совсем никогда. Мне нравилось смаковать это понятие. Я вертел его на языке, как леденец, и мне становилось действительно страшно, что я тоже когда-нибудь умру. Именно ради этого чувства дрожь во всём теле и чего-то тяжёлого на душе я и думал о смерти. Впрочем, такая завава приелась со временем.

Гипотеза о том, что Берт Хоспейн — вампир, не годилась по многим причинам. Во-первых, он совершенно нормально относился к солнечному свету. Во-вторых, в салуне у Бака он ел запеканку с чесночным соусом, и ему не было плохо или больно. У него на пальце было небольшое колечко, по виду серебряное (хотя проверить это не представлялось возможности).

С другой стороны, всё было слишком подозрительно.

И тогда я решился на шаг, на который никогда бы не решился взрослый.

Берт Хоспейн дома: его силуэт только что промелькнул в окне.

— Я к мистеру Хоспейну, — говорю я, и миссис Роджерс пропускает меня внутрь.

Я поднимаюсь на второй этаж и стучу в дверь.

С собой у меня — только моя собственная решимость и ничего более.

Берт открывает дверь. Он бледен. У него под глазами круги.

— Мистер Хоспейн, мне нужно с вами поговорить.

Мне кажется, он прекрасно всё понимает. Но я не боюсь его. Потому что я уверен, что он не причинит мне вреда.

Я прохожу и сажусь на кушетку. Он стоит у окна спиной ко мне.

— Вы вампир, мистер Хоспейн?

Он молчит, глядя в окно. По сути, всё уже понятно, осталось только выбрать правильную развязку.

Он оборачивается, и на его щеках я вижу потёки от слёз. Он садится на стул тяжело, падает, точно мешок с мукой.

— Не бойся меня, — говорит он. — Я не причиню тебе зла. Я вообще никому не причиню зла. Я не хочу. Просто иногда он просыпается во мне. Раз в полгода примерно. Иногда — чуть чаще. В большом городе он проснулся в неудачный момент. Мне пришлось уехать. Я думал, что смогу его задушить. Но не получается.

Он говорит это монотонно, точно заученный текст.

— Кто?

— Я не знаю. Тот, кто заставляет меня делать это. Но я не могу жить без этого.

Я встаю.

— Уезжайте из города, мистер Хоспейн. Я никому не скажу. Вы хороший человек. Нам очень нужны такие люди. Но вам лучше уехать.

Он кивает.

Миссис Хайнс хоронили на закате. Хоспейн дольше всех стоял у её могилы. Это было ещё до нашего разговора.

Я уже тогда планировал этот диалог. Почему-то мне казалось, что я ничем не рискую. Когда дети ловят всяких злых и сказочных существ на тёмных чердаках и в заброшенных карьерах, они мечтают в первую очередь о сражении. Они мечтают уничтожить зло и принести его отрезанную голову на блюде в город, чтобы все знали об их героическом поступке.

Я ни в коем случае не хотел причинять зло Берту. Я как-то сразу понял, что он и тот, кто живёт в нём, — это два разных существа. И Берт сражается с ним и старается заплатить людям вокруг него за причинённое зло. Я думал тогда, что Берт уедет из города, а я через много лет стану расспрашивать внукам, что знал настоящего вампира и он был добрым.

Но всё вышло иначе.

— Поймали! — орут на улице.

Мы с Бобом выскакиваем из дома как ошпаренные (мы читали новую книгу, которую тётушка Боба, жившая в большом городе, прислала с очередным дилижансом). Боб, конечно же, хочет посмотреть на преступника. Посмотреть, как того будут вешать, например, хотя кого поймали — пока непонятно. Я же — боюсь за Берта Хоспейна. Он должен был уехать вчера, но задержался, чтобы отремонтировать забор миссис Харгривз.

По улице идёт толпа. Они ведут человека: он избит и грязен, и я узнаю в нём Дылду. Дылда живёт в городе около двух лет, поэтому до сих пор считается человеком новым, пришлым. У него есть револьвер. Я не знаю его настоящего имени. Кличку «Дылда» ему дал старик Картер в первый же день после появления того в городе, и это слово приклеилось насмерть.

Ноги Дылды волокутся по земле: он гораздо выше тянущих его людей.

Я хватаю за рукав Джонни Монка, своего сверстника, идущего вместе с толпой.

— Что тут?

— Убийцу поймали. Который молочнику убил. И Китти.

— А как догадаться? — спрашиваю я.

— У него револьвер точно такой, из которого Бонда пристрелили. И вещицы Китти дома нашлись.

Дылда был влюблён в Китти. Этого почти никто не знает, но я уже говорил, что люблю засунуть нос не в своё дело. Я видел, как он тайком приносил ей подарки и оказывал мелкие знаки внимания. Она принимала их как должное, но близко не подпускала.

Это свидетельство против Дылды, на самом-то деле. Они скажут, что он убил её из ревности. Дылда частенько уезжает из города на охоту, вряд ли у него есть алиби на то время.

Я бегу вместе с толпой.

У нас в городе есть несколько деревьев. Самое большое — на отшибе, минутах в десяти ходьбы от границы города. Я понимаю, что Дылду волокут туда.

Впереди широкими шагами идёт Систей. Он возглавляет закон в городе, значит, он должен принять решение о казни убийцы. Собственно, оно уже принято.

Я оглядываюсь: Берта Хоспейна не видно. Может, он уже уехал?

Я не подумал о таком раскладе. Берт уезжает, а Систей находит ложного преступника. И погибает невинный человек. Но я не могу крикнуть, что всё знаю. Потому что мне никто не поверит.

Дылду бросают под деревом. Он силится встать, но он избит, и это не просто. Его руки связаны за спиной. Кто-то подводит лошадь.

Суд очень скор. Пока Дылду сажают на лошадь, пока надевают ему на шею петлю, а другой конец верёвки укрепляют на дереве, Систей оглашает приговор. Ветер дует в другую сторону, свистит, я не слышу половины слов.

— За убийство... Кэтрин Картер... супруга достопочтенного... Уиллис... — и ещё какие-то слова.

Уиллис — это, наверное, фамилия Дылды. Ирония судьбы: узнать фамилию человека за несколько мгновений до его смерти.

Верёвка натягивается, с секунды на секунду лошадь прищипят.

Я думаю, что Берт Хоспейн хотел уйти картинно. Он не мог себе позволить просто исчезнуть. Подсознательно он хотел, чтобы всё произошло так, как произошло.

Когда верёвка натягивается, раздаётся выстрел. Все оборачиваются, и я тоже. Конец верёвки болтается в воздухе. Дылда падает лицом вперёд.

Берт Хоспейн сидит на лошади, и в руке у него — револьвер. Это кольт 38-го калибра. По бокам седла — сумки, на голове — широкополая шляпа. Лошадь — из конюшни Роджерсов. Вряд ли он украл её. Скорее всего, они разрешили забрать животное за всё хорошее, что он сделал для них и для города.

— Дылда никого не убивал, — говорит Берт Хоспейн.

Толпа начинает роптать, к Берту проталкивается Систей.

— А кто убил? — кричит он. — Кто?

Я смотрю на Хоспейна во все глаза. В какой-то момент я встречаюсь с ним взглядом.

— Я убил, — говорит Хоспейн и трогается с места.

Это красивая картина.

Он едет через толпу, молча, высокий, статный, в широкополой шляпе, с револьверами на поясе. Он едет медленно, и толпа расступается перед ним, перед этим хорошим человеком, никогда ни в чём не отказывавшим, принесшим в город свет и доброту. Он едет через толпу, и все молчат и просто провожают его взглядами.

Так он и едет, и удаляется, и спина его становится меньше и меньше.

Так он и едет вплоть до тех пор, пока старик Картер не вскидывает своё древнее ружьё и не всаживает ему в спину заряд свинца.

Примечание автора

Когда этот рассказ озвучили в проекте «Модель для сборки», посыпались негодования от слушателей: где сюжет? почему всё так просто? слита концовка! Для меня это было в какой-то мере удивительно, поскольку концовка получилась именно та-

кой, какой я её и задумывал. Никакой интриги рассказ не подразумевает, читатель должен понимать всё с самого начала и к логическому концу прийти задолго до меня, автора.

Потому что основное назначение «Бремени...» — это продемонстрировать стилистические возможности использования настоящего времени. Показать, что оно способно не только придавать рассказу динамичность, как полагают многие, но, напротив, растягивать его, размазывать по тарелке, если мне будет позволено так выразиться.

А завершить всё можно быстро, буквально одной фразой. Что и я сделал.

Фотограф

Где-то там, в толпе, меня ищет Фотограф. Он протискивается между разгорячёнными телами, проталкивается, извиняется перед кем-то, но не прекращает искать. На его груди болтается «Лейка» пятьдесят четвёртого года, лучший в мире фотоаппарат; Фотограф никогда не променяет его ни на какой другой. Он наготове: едва заметив в толпе мою фигуру, моё лицо, он тут же начнёт снимать: один кадр, два, три, четыре — и так до окончания плёнки, щёлк-щёлк-щёлк до бесконечности. Потом он будет лихорадочно менять плёнку, и снова щёлкать, и снова менять плёнку, и снова снимать.

Люди празднуют, люди бегают по улицам и радостно кричат, они подбрасывают в воздух мишуру, взрывают хлопушки с конфетти, толпа — такая разноцветная, шумная. Фотограф ищет меня в этой толпе, потому что не знает, как найти меня иначе.

* * *

Я родился в Берлине. Часть, к которой был приписан мой отец, базировалась в Германии в течение года, а потом её перекинули на территорию нынешней Молдавии. Тем не менее, пусть я и был совсем крошечным, я помню, что люди постоянно упоминали в разговорах какую-то стену. Спустя много лет я понял, что речь шла о знаменитой Берлинской стене, этом уникальном символе диктатуры. В Молдавии мы жили в течение одиннадцати лет, очень долго. А потом отец вернулся в Германию, и мы с матерью, конечно, отправились с ним. Стены уже не было. Германия стала совсем другой.

Я родился гермафродитом. Это звучит страшно, но на самом деле всё зависит от грамотного отношения родителей и врачей. С раннего детства я знал, что я — не такой, как все, и знал, что эту тайну никому нельзя раскрывать. Чаще всего гермам делают операцию почти сразу после рождения. И в девяноста процентах случаев это операция по превращению герма в девочку. Конечно, гораздо проще отрезать рудиментарный член и организовать более или менее достойное влагалище, чем удалить женские элементы и настроить мужское достоинство на нормальную работу. А потом у такой девочки возникает тяга к другим девочкам, потому что изначально она была задумана природой как мужчина, просто что-то пошло не так. Повторные операции по перемене пола для гермов почти всегда невозможны, по крайней мере опасны. Человек остаётся несчастным на всю жизнь.

Мои родители поступили очень грамотно. Они разъяснили мне, что у большинства людей никакого выбора нет. А мне повезло: у меня есть выбор.

Когда начался период полового созревания, я чётко осознал, что меня тянет на девочек. О чём честно сказал папе: он давно ждал от меня подобного признания. Ещё несколько месяцев понадобилось для предварительной подготовки и окончательного утверждения принятого решения. А потом мне сделали операцию, и я превратился в полноценного мужчину. Единственным недостатком было то, что я не мог иметь детей. Впрочем, я не очень страдал от этого, потому что осознавал, что могло оказаться намного хуже.

Я не стал поступать в университет. У меня были другие достоинства. В возрасте шестнадцати лет я пошёл работать в модельное агентство. И довольно быстро стал популярен. Потому что я — скажу, не кривя душой, — очень красив. Моя красота — не грубая, мужская, она скорее утончённая, она отдаёт каким-то благородством; у меня белая кожа, чёрные как смоль волосы, я изящен и строен, как танцор. Я стал появляться на обложках журналов, сниматься в телевизионных роликах, демонстрировать одежду на подиуме и в модных изданиях. У меня не было проблем ни с деньгами, ни с поклонницами.

В двадцать семь лет я женился. Женился довольно спонтанно, просто внезапно вспыхнула взаимная страсть. Ей было известно, что я не могу иметь детей, но, конечно, она не знала почему. Мы жили вместе два года, после чего разошлись, довольно мирно, без дележа имущества и взаимных оскорблений. Будто расстались старые друзья. До недавнего времени я поддерживал с ней контакт: иногда звонил, иногда заходил в гости. Её новый друг, приземистый и небритый боксёр, был мне неприятен, но она сказала, что в нём нашла то, чего ей не хватало во мне: мужественность, силу. Я не обиделся.

К этому времени я уже жил в Дрездене, родители остались в Берлине.

Когда мне исполнилось тридцать, я познакомился с Фотографом.

* * *

Я не буду упоминать его настоящее имя. Оно слишком известно; если эту рукопись когда-либо опубликуют, ему придётся отвечать на ненужные вопросы. Поэтому я буду называть его Фотографом.

Он подошёл ко мне после одного из показов, маленький человек в сером свитере и коричневых вельветовых брюках. А на груди у него висела допотопная «Лейка».

«Я — фотограф», — сказал он. И всё, больше он ничего мне не сказал.

«И что?» — отозвался я.

«Я хочу сделать фотосессию, ты не против?» — спросил он как-то неуклюже.

«А ты кто?» — фамильярно ответил я вопросом на вопрос.

Он дал мне серую визитку. Фамилия, написанная на ней, была мне знакома. Он слыл скорее художником. Он не работал на журналы или на какие-то фирмы, а просто снимал людей и делал выставки своих работ, и на эти выставки приходили тысячи зрителей. Я тоже видел одну. Выставка называлась «Серый мир». Все фотографии на этой выставке были просто видами города или

даже разных городов. Улицы, здания, лица людей, кадры из магазинов, из холлов отелей, из ресторанов. Люди, люди, люди большого города. А потом я внезапно обнаружил, что лица — одни и те же. Везде. Эти люди не были жителями, которые случайно попали в объектив. Они были натурщиками. Продавец в магазине одновременно являлся клиентом ресторана и водителем такси. Швейцар в отеле был маляром, рисующим вывеску парикмахерской. Девушка на рекламе парикмахерской шла под ручку с мужчиной, который садился в такси, а регулировщик на перекрёстке просил подавание у пожилого мужчины, ожидающего в холле отеля. И я поневоле включился в игру: искать на разных фотографиях одних и тех же людей и запоминать, какие роли они исполняют.

Выставка была сделана мастерски. Я не пропустил ни одного снимка.

Поэтому, когда я прочитал его имя на визитке, я сказал: «Конечно. Я согласен».

Я пришёл на первую фотосъёмку через несколько дней, кажется, это была суббота. Уже вечерело, он ждал меня у дверей студии, и первый снег чуть припорошил его беретку. Мы верим в то, что художники обязательно должны носить береты, как военные — каски или фуражки, как повара — дурацкие белые колпаки. На самом деле, художники ничего никому не должны. Они одеваются так, как нравится им самим. Фотографу нравились береты. Позже выяснилось, что у него их было около тридцати штук, всех расцветок и форм. Хотя я видел его всего в двух: в скромном сером (именно в нём он и встретил меня в первый раз у дверей студии) и в чёрном. В чёрном берете он был на похоронах своего брата.

Он стоял под снегом, облокотившись о дверной косяк. У него был маленький двухэтажный домик в пригороде Дрездена; сама студия располагалась на первом этаже, а на втором находилась его квартира.

Когда я подошёл, он улыбнулся и протянул мне руку.

В тот день он просто хотел сделать несколько пробных кадров. Небольшую съёмку, чтобы убедиться в том, что я — именно то, что ему нужно. Он не рассказывал, для какого проекта он

меня позвал на самом деле. Фотографа восхищал мой профессионализм. Ему достаточно было изогнуть руку, и я принимал точно такую позицию, которая была ему нужна. Я легко читал каждый его жест и сам удивлялся этому. Впрочем, когда работают два профессионала высокого класса, профессионал-фотограф и профессионал-модель, съёмка даётся легко, без единой остановки.

Он не просил меня раздеваться — на этот раз. На мне были синие джинсы и белая майка под свитером. Он попросил меня снять свитер, но не более того. Он снимал меня в анфас, в профиль, сидя, лёжа, сверху, снизу. И постоянно менял плёнки. На свою «Лейку» он накручивал различные объективы, укрепляя огромную зеркальную вспышку, снова снимал. В углу на полочке я заметил ещё несколько фотоаппаратов и спросил его, почему он снимает камерой, которой стукнуло полвека (я достаточно разбираюсь в фотоаппаратах, чтобы определить примерный год выпуска). Он сказал: «Пойдём». И мы прошли в другую комнату.

В комнате стояли стеллажи, заполненные различным фотографическим оборудованием. Тут были как старинные «Лейки» и «Никоны», так и ультрасовременные цифровые монстры производства «Сони» или «Кэнон». Тут были объективы всех размеров и форм, даже какие-то перископообразные, изогнутые. Тут были вспышки разных типов, ванночки для проявки, множество всевозможных фильтров, штативов, чехлов и так далее.

«Видишь? — сказал он. — У меня всё есть. Просто ничего лучше этой “Лейки” человечество ещё не придумало».

Во время съёмки произошёл инцидент, который мне хорошо запомнился.

Хотя операция была сделана очень давно, мне постоянно нужно принимать гормональные препараты, потому что иначе может произойти рецидивное проявление женских элементов. Может начать расти грудь, например. Время приёма очередной таблетки пришлось на перерыв в съёмке, и я попросил воды. Он принёс мне стакан, и я проглотил таблетку. Фотограф насторожился.

«Что это?» — спросил он.

«Лекарство», — ответил я.

«Что за лекарство?» — спросил он более настойчиво.

«У меня есть хронические заболевания, которые требуют регулярного приёма препаратов», — сказал я.

«Покажи», — потребовал он.

Я не знал, что делать. В общем, он не имел права требовать у меня показать таблетки. Я мог уйти. И больше не вернуться. Я чувствовал, что именно это и произойдёт, если я откажусь. Но что-то заставило меня достать пластинку таблеток и дать ему.

Он прочитал молча и вернул мне упаковку.

«Извини», — сказал он.

Я знаю, о чём он подумал. Моя женственная красота плюс мужские гормоны однозначно навели его на мысль, что я изменил пол. Что раньше я был женщиной. На самом деле я с сочувствием отношусь к гомосексуалистам. У меня был выбор, а у них — нет. Когда мужчина рождается женщиной или наоборот — это страшная психологическая травма, по-моему. Поэтому я сторонник перемены пола для гомосексуалистов. Правда, я не могу понять тех, кому доставляет удовольствие быть мужчиной и любить мужчину (или быть женщиной и любить женщину). Это уже — болезнь, а не случайная ошибка Творца.

В общем, он не изменил своего поведения по отношению ко мне. Предположив, что раньше я был женщиной, он остался так же немногословен и мастеровит.

По окончании первой съёмки он спросил меня, сколько я беру в час за позирование. Я назвал сумму. Он стал платить мне примерно на пятнадцать процентов больше, что меня устраивало. В деньгах он явно не нуждался.

Он сказал, что не будет рассказывать, в чём состоит его замысел относительно меня. Он никогда не говорил моделям, для чего их снимает. Он просто просил изобразить то или иное чувство, какие-либо эмоции или движения.

Мы договорились, что я буду приходить к нему в понедельник, среду и пятницу в течение одного месяца. Он сказал, что сможет закончить работу как раз за это время. Платил он мне наличными, без всяких договоров, просто отдавал деньги, и всё. Меня такое тоже устраивало, потому что львиную долю моих доходов обыкновенно отнимали налоги.

Хотя он и скрывал итоговую цель съёмки, конечно, я догадывался о его замысле. Мы гуляли с ним по пристани. Я — в шортах и кроссовках, хотя было уже довольно холодно. Он заставлял меня бегать и снимал на бегу. Он снимал меня, когда я отжимался, когда я подтягивался на турнике, причём снимал безостановочно: на одно отжимание он умудрялся истратить по две плёнки. Мне казалось, что я уже знал секрет его будущей выставки. Её посетитель каким-то образом должен был двигаться по залам очень быстро: возможно, Фотограф планировал поставить там что-то вроде траволатора. И фотографии на стенах должны были слиться в мультфильм, в киносенс. Хотя это только моё предположение: я до сих пор не знаю, что задумал Фотограф.

А потом произошёл перелом. То, что привело к краху.

* * *

На третью неделю съёмок он сказал мне:

«У меня открылась выставка в галерее Фридриха Киршнера».

Конечно, я изменил название галереи. Чтобы не создавать проблем её владельцу.

Я пошёл посмотреть на экспозицию. Не мог же я пропустить выставку своего Фотографа.

Галерея Киршнера располагается на окраине. Это большое современное серое здание с квадратными окнами, в стиле социалистического кубизма. По меньшей мере, такой стиль у меня ассоциируется с советскими домами-коробками и с Казимиром Малевичем. Это личные ассоциации, не стоит воспринимать их как что-то серьёзное.

Постоянного интерьера в галерее нет. Как и в большинстве современных художественных салонов, он меняется от экспозиции к экспозиции. Я зашёл в галерею, сдал куртку в гардероб и оказался в первом зале. Он оказался серым, этот зал, абсолютно серым, как всё здание снаружи. И в зале не было фотографий. Точнее, была — только одна.

Она занимала всю противоположную от входа стену и была не чёрно-белой, а скорее, серой, как стены зала, как всё здание, как теперь, ранней зимой, весь город. Фотография изображала девушку. Она стояла чуть сбоку, занимая не более четверти площади снимка. Она смотрела в объектив огромными чёрными глазами, в них сквозило какое-то недоуменное выражение, будто её ошеломило, что кто-то её снимает. У неё было длинноватое лицо, чуть непропорциональное, тонкие губы и пышные чёрные волосы, кудрявые, непокорно разлетающиеся во все стороны.

Она была прекрасна, чёрт побери. Я подумал тогда именно так: «Она прекрасна».

Почему-то чёрные кудрявые волосы и орлиные носы у меня всегда ассоциируются с евреями. Нет, не с расистской точки зрения: просто как предмет принадлежности к национальности. «Немецкий еврей» — это что-то страшное теперь; когда мы слышим подобное словосочетание, перед нами появляются картины измождённых тел, вырванных с мясом золотых коронок, толпы скелетов, бредущих в яму. И одновременно — толстые курчавые эмигранты, сидящие в своей Америке на мешках с перечёркнутой S-кой.

Нет, если говорить о евреях как о расе, как о человеческом фенотипе, они очень красивы. Рыжие — ладно, но когда я вижу кудрявых черноволосых девушек с тонкими профилями хищных птиц, я останавливаюсь и провожаю их взглядом. Моя жена была красива, но не так. Иначе. Просто красива, и всё. Здесь красота — другая, странная, изящная. Её боишься повредить случайным прикосновением.

А может, всё это — чушь. Это тоже — моя мысль в тот момент. Может, она цыганка, или армянка, или просто немка, но вот такая получилась внешность.

Я прошёл дальше и оказался во втором зале.

Первой фотографией был снимок какого-то выпускного класса или курса, не знаю. Тоже серый, чуть зернистый. Множество едва читаемых лиц. Пятой слева в третьем ряду стояла она, и это было понятно с первого взгляда. Её лицо просматривалось так же плохо, как и остальные, но почему-то я нашёл её сразу.

Таким же образом оказались сделаны все фотографии в этом зале. Она была везде, и ни одно лицо ни с одной фотографии я не запомнил, хотя в некоторых случаях в центре внимания Фотографа оказывались совершенно другие люди. А замечал я — только её, на заднем плане, всё с тем же удивлённым выражением огромных глаз.

Третий зал оказался одновременно и последним. Там была она — в жизни. Просто случайные цветные фотографии. Смеётся с друзьями (один обнимает её стройную ногу), лежит на кровати, извиваясь подобно пантере, идёт по осеннему парку, сидит на корточках и смотрит куда-то вверх. Случайные кадры, вполне вероятно, заснятые не самим Фотографом.

Над выходом — последняя фотография, сделанная в том же интерьере, что и первая. Она точно так же смотрит в объектив, только поза чуть другая.

Я вышел и посмотрел на часы. Два маленьких зала я изучал в течение трёх часов. Я совсем не заметил, как пролетело время.

И подумал, что я обязательно найду эту девушку.

Странно, но, постоянно вращаясь в модельном мире, я никогда с ней не сталкивался. Ни один фотограф, кроме моего, не снимал её ни для модных журналов, ни для обложек, ни для рекламы. Вполне вероятно, Фотограф просто поймал её на улице, случайную девушку, проходившую мимо.

Я спросил о ней на следующий день.

«Тебе понравилась выставка?» — ответил он вопросом на вопрос.

«Да», — кивнул я. Ещё я сказал, что он гениально снял бесподобную натурщицу. И что я хотел бы найти её.

Он улыбнулся. «У меня много кто пытался узнать её телефон, но я же понимаю, что нельзя давать его незнакомцам, — сказал он. Выдержав паузу, он продолжил: — Но тебе я дам её координаты. Мне кажется, вы стали бы прекрасной парой».

Он многое о ней рассказал прямо во время съёмки. Он снимал меня и говорил. Наверное, ему нужно было, чтобы я выразил интерес. Или что-то другое.

Она работала журналисткой в каком-то бульварном издании. Жила в небольшой квартирке в районе Штризен-Вест, у

неё была кошка и попугайчик. Фотограф действительно случайно увидел её на улице и остановил. И предложил стать центром его новой выставки. «Она очень легко позировала, точно всю жизнь этим занималась, — сказал он. — Это её призвание — быть моделью, но она выбрала другой путь. Что ж, слава богу, я сумел найти её и открыть». И он дал мне номер телефона.

«Звони, — сказал он. — Можешь сослаться на меня».

Ещё я попросил у него её фотографию. Ту самую, с выставки, только маленькую — если есть. Конечно, фотография была, и он дал мне её. «На стол поставишь», — улыбнулся Фотограф.

В тот же день я вернулся домой и набрал её номер. Никто не взял трубку. Я подумал, что позвоню позже.

На следующий день я дозвонился. Трубку поднял мужчина.

«Здравствуйте, я хотел бы поговорить с Марлен», — сказал я. Я забыл упомянуть её имя: конечно же, Фотограф назвал мне его. Марлен Рихтнайт. Наверное, в честь Марии Магдалины Дитрих, подумал тогда я.

Мужчина сказал, что никаких Марлен по этому телефону нет. Мы сверили номера: я продиктовал ему тот, который набирал. Он сказал, что набрал я верно, но номер — неправильный. Я извинился и позвонил Фотографу. Была суббота, до понедельника я бы не дотерпел. Фотограф ответил: «Сейчас уточню». Он уточнил. Всё оказалось верно. Он продиктовал мне именно тот номер, который был записан у него в блокноте, и я не ошибся ни в одной цифре.

Поэтому вечером того же дня я купил букет цветов и отправился к ней домой. Наверное, я влюбился в ту фотографию, в глаза девушки, в её волосы.

Консьерж не обратил на меня внимания, и я спокойно поднялся на третий этаж. На этаже имелось девять квартир: с тридцатой по тридцать восьмую. Тридцать девятой квартиры, указанной в адресе, в этом доме просто не было. На четвёртом этаже отсчёт начинался с сороковой квартиры.

Я спустился вниз и поговорил с консьержем. Он уверил меня, что тридцать девятого номера в доме не было никогда. Десять евро, исчезнувших в его кармане, позволили мне заглянуть в список жильцов. Марлен Рихтнайт нигде не значилась. Ещё десять

евро напрягли его память. Девушка с таким именем или фамилией никогда не жила в этом доме. Я показал ему фото. Он не узнал её: она и в самом деле никогда тут не появлялась.

В понедельник начиналась последняя неделя моей работы у Фотографа. На тот момент у меня не было других заказов, хотя поступило несколько предложений, которые я обдумывал.

Я рассказал Фотографу о своих поисках. Он удивился. Он поклялся мне, что не врал. Он показал мне блокнот, в котором был записан её телефон и адрес. Он дал мне адрес редакции, где она работала. Он сказал, что у него где-то лежит номер газеты, в котором есть её материал.

В редакции девушка по имени Марлен не работала. Никогда.

Тем не менее я продолжал верить Фотографу по нескольким причинам. Во-первых, не было никакого смысла мне врать, тем более, так явно. Во-вторых, на его лице читалось недоумение, которое практически нельзя сыграть. Он и в самом деле был поражён сложившимися обстоятельствами. Возможно, он бы и поверил, что Марлен назвала ему неправильное имя, что Марлен соврала ему насчёт адреса и работы. Но он звонил ей по этому номеру телефона. Даже если она успела его с тех пор сменить, у него точно был номер газеты.

Он нашёл этот номер в завалах барахла в комнате, которую называл кабинетом. Там он занимался в основном бумажной работой: оформлением документов для организации выставок и так далее. Мы вместе с ним пролистали всю газету. Ни там, где он показывал, ни где-либо в другом месте статей, подписанных «Марлен Рихтнайт», не было.

Тогда я снова пошёл на выставку.

Она была там: на этих фотографиях. Её потрясающее лицо по-прежнему встречало удивлённым выражением чёрных глаз. «Карих», — говорил Фотограф. На цветной фотографии было видно, что у неё карие глаза. Хотя я уже не верил в его правоту, потому что он на самом деле ничего о ней не знал, кроме того, что она приходила к нему в студию и фотографировалась.

«А те люди — на фотографиях?» — спросил я.

«С ней?»

«Да».

Это были случайные статисты. Они появлялись и исчезали во всех массовых съёмках Фотографа. Он не знал их имён. В каждой его работе всегда было только одно центральное лицо. Или несколько центральных лиц. Остальные не играли никакой роли.

Тогда я сказал: «Дайте мне ваш блокнот».

Он не отказался. Отдал. В этот день мы не снимали. В этот день я вернулся домой, сел на телефон и обзвонил всех предыдущих моделей Фотографа. Ни один телефон не был правильным. Везде отвечали какие-то люди, которые не понимали, кто и зачем им звонит.

Тогда я набрал свой собственный номер. Вместо коротких гудков старческий голос продребезжал «Алло». И я положил трубку.

* * *

Интересно, откуда взялись фотографии Марлен из третьего зала? Те самые, где она снята в домашней обстановке, с друзьями, с родителями. Наверное, она их и принесла, когда пришла из ниоткуда. И оставила у него, когда вернулась в своё никуда.

Все модели Фотографа были красивы. Прекрасны. Она стала, по-моему, верхом его творчества. Верхом его фантазии, потому что это он придумал её. Он придумал её и снял, а когда она стала ему не нужна, когда все фотографии для выставки были готовы, он попрощался с ней, не зная, что подписывает ей приговор. Покинув в последний раз его студию, она ушла в небывшие.

Я позвонил родителям. Незнакомый голос сообщил мне, что такие здесь не проживают. Я позвонил в модельное агентство. Оно ещё работало, несмотря на поздний час. Ни один человек с моей внешностью и именем никогда не был зарегистрирован в их базе данных. Потом я отключил телефон и разбил его о пол, чтобы не возникало искушения включить его снова.

Он всё придумал. Он придумал мою биографию, все эти испытания, придумал мой телесный недостаток, придумал моих родителей и мою жену. Он сконструировал мою жизнь так, что-

бы я получился правильным. Таким, каким он хотел меня видеть. Таким, каким я был ему нужен.

Про домашний телефон я, конечно, забыл. В трубке прозвучал его голос. Он сказал, что боится потерять меня, что он скоро приедет, главное, чтобы я сказал ему свой адрес. У меня нет адреса, подумал я. Когда он приедет, окажется, что по этому адресу проживают совсем другие люди. Или на этаже нет квартиры с таким номером. Мне даже не хочется проверять свою гипотезу: я уверен, что прав. Вы знаете, как это страшно: в один момент оказаться выдумкой, фантомом, игрушкой в чужих руках. Потому я ответил, что иду гулять в город. Сегодня День Города, кажется, потому что люди танцуют, играют, бегают по улицам и пускают фейерверки.

Копию своего рассказа я отправил ему, уже без этих, последних строк. Интересно, выдумает ли он ещё кого-нибудь после меня? Ведь теперь он знает, почему его модели настолько ему подходят, почему понимают его с полуслова.

Он не просто талантливый фотограф. Он — гений, каких ещё никогда не видывал свет.

* * *

Я печатаю эти листы в двух экземплярах. Один заклеиваю в конверт и высылаю Фотографу. Второй дописываю и жду окончания. Если он не найдёт меня в толпе, значит, меня не существует. Ведь, чтобы найти меня, ему не нужно звонить или приходиться ко мне. С таким же успехом я могу быть в его студии, среди людей на улицах Дрездена, в Берлине или в Лос-Анджелесе, США. Он может найти меня везде. Если он меня не находит, меня нет.

* * *

Фотограф проталкивается через скопление людей. «Лейка» пятьдесят четвёртого года по-прежнему у него на груди. Он высматривает меня среди множества лиц, но безрезультатно. А если

он всё же заметит меня, то тут же станет исступлённо щёлкать, пока не кончится плёнка.

Наверное, думаю я, он ищет не только меня. Он ищет Марлен. Он ищет того, кто был до неё.

Сидя здесь, в своей квартире, слушая крики толпы, я молюсь неизвестному Богу, чтобы Фотограф меня нашёл.

Примечание автора

Этот рассказ я написал в 2007 году для одного из многочисленных сетевых конкурсов фантастики. Честно говоря, не помню даже названия последнего, хотя рассказ занял на нём третье место и мне за него почтовым переводом заплатили сто долларов. Эти сто долларов дались с боем, поскольку тогда я жил в Минске и по белорусским законам должен был задекларировать доход. Отсидев пять часов в очереди в налоговую инспекцию, я проклял всё на свете, в том числе рассказ и конкурс.

Сам рассказ с тех пор изменился. Он существует в двух версиях — «немецкой» и «американской». Действие первой происходит в Берлине, второй — в Нью-Йорке. Здесь опубликована «немецкая» версия рассказа, «американская» же является частью моего романа «Легенды неизвестной Америки».

Героиня «Фотографа» имеет прототип. Девушку, с которой списана Марлен, зовут Настя, она живёт в Минске, и «в реале» я видел её всего один раз, на концерте известного белорусского музыканта Сергея Пукста. Фотография, открывающая выставку Фотографа, а также снимки из третьего зала существуют на самом деле: все они «срисованы» с реальных фотографий Насти из её Живого Журнала. Вот, собственно, и всё, что можно сказать. Остальное — это проблема творца и его творения.

Один мой друг

Один мой друг утверждает, что он андроид,
Похожий на Терминатора, но построен
Гораздо раньше. Он в бегах, вам не стоит
Его сердить, он неплохо собран и сварен
И, если злитесь, может ворочать сваи,
Взрываться и, не надрываясь, покончить с вами.

Дана Сидерос

I

В семь часов утра проснулись все, кроме Толика. Ему впервые за много лет, а может быть, и за всю жизнь приснился сон. Во сне он пригласил девушку на концерт Юрия Визбора, но вместо знаменитого барда на сцену вышел худой молодой человек в дешёвых очках и стал петь песни советской эстрады. Как ни странно, публика его не гнала. Толик заметил, что девушка тоже принимает самозванца за настоящего артиста, хлопает и даже пытается передать через впередисидящего записочку с просьбой. Какое-то время спустя аже-Визбор попросил сделать небольшой перерыв — промочить горло, и на сцену в качестве временной замены вышла средних лет тётка с гитарой и проникновенным выражением лица. Как ни странно, вместо исполнения женского романса она поставила гитару на стойку, задрала подол практически до подбородка и начала отплясывать под заводную музыку, полившуюся с потолка. Нижнего белья на тётке не было, но и это не смутило зрителей, активно аплодировавших порно-шоу.

На этом месте Толика растолкал Максим.

— Вставай, вставай, — говорил он, — что с тобой такое?

Толик с трудом разлепил глаза.

— Уже семь ноль шесть, — добавил Максим. — У тебя всего четырнадцать минут.

Толик вскочил как ошпаренный. Умыться, почистить зубы, одеться и застелить постель за четыре минуты, затем — успеть на завтрак. Непросто, но реально.

До стола он добрался в семь тринадцать. Проснуться с опозданием на шесть минут и отыграть три минуты на утреннем туалете — неплохо. Теперь быстро поесть — и порядок. Возможно, подобного больше не повторится. Возможно, это случайный сбой программы. Всё-таки его электронная часть не подвергалась капитальному ремонту уже пятнадцать лет, три четверти заложенного в конструкцию срока.

Он справился чуть раньше заданного времени, махнул напоследок сидящему за соседним столом Максиму, сдал посуду и пошёл к рабочему лифту. В кабине как раз оставалось одно свободное место. Из пятерых пассажиров трое были Толику знакомы, он коротко кивнул всем сразу.

Рабочие Марса любили ездить на лифте. Не то чтобы это было их единственным развлечением, но даже короткий взгляд на Красную планету через стеклянную панель завораживал, что уж говорить о путешествии продолжительностью в пятнадцать-двадцать минут. Толик рассматривал многочисленные ударные кратеры, пытаясь представить себе небесные тела, их создавшие. Это служило хорошей тренировкой памяти и математических способностей: прикинуть диаметр кратера и его глубину, затем, исходя из этих данных, подсчитать массу и силу удара метеорита. По вечерам Толик сверял собственные расчёты с сетевой энциклопедией и радовался, если ошибался не более чем на пять процентов.

Без пятнадцати восемь лифт остановился у подстанции «Титов-4/5». Трое пассажиров сошли раньше. Толик вежливо кивнул оставшимся двоим и покинул кабину. У дверей его встречал Виктор Михайлович.

— Сегодня у тебя работа, — сказал он безо всякого приветствия.

— У меня каждый день работа.

— Сегодня особая. У нас тут один биоморф проснулся.

Толик присвистнул.

— О как. Редкое явление.

— Редкое. Более того, не стандартный *Biomorphus ordinarius*, а *Biomorphus triplex*. Поэтому тщательно с ним ознакомишься и посвятишь ближайшую неделю отбору подобных.

Если Толик не ошибался, за всё время марсианских исследований проснулись пять или шесть биоморфов, и все относились к биоморфам обыкновенным. Тройные биоморфы пока ещё не просыпались, поэтому «вылавливали» их достаточно редко — не было смысла. Восемьдесят процентов работы велось с перспективными *Biomorphus ordinarius*.

Толик кивнул Виктору Михайловичу.

— Хорошо, шеф. Будем работать.

Тот кивнул в ответ и побежал дальше. Виктор Михайлович иначе как бегом никогда не передвигался. Видимо, раньше выступал на Олимпийских играх, шутили лаборанты, а потом его перепрограммировали.

Толик прошёл ряд лабораторий, кивая знакомым. Его рабочее место располагалось примерно в десяти минутах ходьбы от лифта — в самой удалённой точке комплекса. Обзорное окно выходило на приграничную территорию. В хороший бинокль можно было рассмотреть американцев из конкурирующей лаборатории. Некоторых из них Толик узнавал в лицо. Они даже приветственно махали друг другу, если «сеансы» наблюдения в бинокль совпадали по времени. Насколько Толик знал, американцы занимались ровно тем же самым, что и «Титов-4/5», выискивая в марсианской почве скопления полиморфов и пытаясь пробудить последних к жизни. Колония живых полиморфов на «Титове» была достаточно велика: уже из первых двух экземпляров без проблем вывели несколько миллионов подобных. Но в данном случае русским светило серьёзное открытие: выведение нового вида. Американцы пока о подобном не объявляли, значит, Россия станет первой.

Камера для образцов уже была заполнена. Работники на поверхности обычно включают в другую смену и редко пересекаются с лабораторными крысами. Общение и выдача заданий производится удалённо. Толик извлёк первый образец — довольно рыхлый кусок грунта с вкраплениями-окаменелостями — и поместил его на стенд, расположенный в центре лаборатории.

Рутинная работа: изучение и отбор полиморфов. Может, сегодня повезёт.

2

— Мне надоело, — сказал Максим.

Толик промолчал. Ответить было нечего, потому что надоело всем.

— Я хочу чего-то другого. Я хочу встать не в семь, а семь ноль шесть, как ты сегодня.

— Это ошибка.

— Я знаю. Но я хочу, чтобы это не было ошибкой. Я хочу другую программу. Я каждый день открываю сеть и вижу там новую музыку, новые книги, новые интерактивные развлечения. Но на самом деле они не новые. На самом деле мы их когда-то уже видели, много лет назад. Потом нас перепрошили. И мы смотрим то же самое, будто новое.

Толик откинулся на спинку кресла.

— Меньше напрягайся, Макс. У тебя есть работа, есть досуг, причём довольно разнообразный. Любое желание ты можешь осуществить. Если бы ты нуждался в женщинах, были бы и женщины...

— ...а может, я хочу в них нуждаться? — перебил Макс. — Может, мне хочется быть человеком. Всё так идеально продумано: планета людей, планета андроидов, никто ни с кем не конкурирует, все взаимовыгодно сотрудничают, всем хорошо. А о психологии кто-нибудь задумывался? А если мне хочется посмотреть на Землю? Если мне интересно, как там живут?

Толик с улыбкой покачал головой.

— А если человек захочет посмотреть Марс? Вот без шуток? Если обычный парень захочет посмотреть на всю эту красоту, которую мы каждый день видим? На все эти кратеры, на Олимп, на долины Маринер? Ты взял и слетал к Титоне или Копрату, а им — нельзя, только на картинках и в телескоп. Мы в одинаковом положении. Потому что мир, потому что сотрудничество. Они помолчали.

Они помолчали.

— А как ты думаешь, — спросил Максим, — у американцев то же самое?

— У французов то же самое. Я в прошлом году с Далари долго общался, когда свою лабораторию показывал в рамках обмена. Никаких особых отличий. Наверное, и у американцев то же самое.

— Наверное.

Макс встал и подошёл к панорамному окну. Перед ним растянулась бескрайняя марсианская пустыня, испещрённая дюнами, кратерами, карьерами. Разработки велись с другой стороны, окна жилых отсеков туда старались не выводить: ежедневное зрелище бесконечной добычи полезных ископаемых могло свергнуть в уныние кого угодно.

— Мне кажется, я мог бы стать человеком, — сказал Макс. — Любой из нас может.

— А человек — андроидом.

— Но зачем?

— Мы выносливее, сильнее, у нас лучше рефлексy и память, мы дольше живём. Одни преимущества.

— Спасибо, друг мой Очевидность. Но человек... Мне кажется, Земля лучше всех этих песочных красот. И ещё я хочу детей.

— Кого? — Толик чуть не закашлялся.

— Детей. Таких маленьких, чтобы бегали вокруг и радовали меня.

— Дети — это обуза, человеческая участь.

— Тебя научили, — усмехнулся Макс. — И ты хороший ученик.

Он подошёл и сел на диван рядом с Толиком.

— Я решил, — продолжил он. — Я договорился с хирургом.

— Что? — Толика пробрала дрожь.

— Я буду постепенно менять своё тело. Я не хочу механическую печень и электронные почки, ну или что там у нас. Не хочу хрусталик со встроенной камерой, всё равно запись может просмотреть лишь инженер. Я хочу иметь не только внешнюю имитацию члена, но и всю внутреннюю систему. Глеб согласился. Он поможет. У него есть доступ к банкам органов — они так или иначе часто оказываются нужны, потому что у одних андроидов одни органы человеческие, у других — другие.

— Вас поймают. И его, и тебя. И хуже будет ему.

— Он согласился.

Раздался вызов интеркома.

— Извини.

Толик подошёл к экрану: звонил Виктор Михайлович.

— Слушаю, шеф.

— Срочно сюда! — Вэ-Эм был серьёзно встревожен.

— Буду, шеф.

— Чтобы через пять минут!

Толик отключился и, посмотрев на Максима, пожал плечами.

— Сам слышал.

— Работа, конечно.

Они вместе вышли из комнаты. Максим пошёл к себе, а Толик — к лифтам. С учётом того, что поездка занимала не менее пятнадцати минут, требование шефа было невыполнимым. Впрочем, какая разница.

Шеф уже ждал Толика у дверей лифта. Он был взъерошен, глаза бежали, пальцы подёргивались. Толик вопросительно посмотрел на Виктора Михайловича.

— В чём проблема?

— Завтра утром прибывают американцы! — выпалил тот.

Это и в самом деле звучало серьёзно. На российскую станцию уже приходили немцы, французы, бразильцы, но американская миссия не допускалась ни разу. Всё-таки главный экономический и технологический конкурент.

— Я так понимаю, — спокойно отозвался Толик, — что тройных биоморфов надо скрыть.

— Безусловно! — они уже шли бок о бок по коридору. — Приведи лабораторию в идеальный порядок, выстави обычных биоморфов напоказ, продемонстрируй рутинную работу с ними. Остальных чтобы и в помине не было. Пусть американцы видят, что мы замкнулись на *ordinarius*. Если информация о *triplex* просочится, нам с тобой оторвут головы.

Толик всё прекрасно понимал. Слив свежей информации, причём в какой-то мере сенсационной, попахивал изменой Родине. Даже если этот слив случаен.

Лаборатории были похожи не муравейник. Сотрудники носились из одной комнаты в другую, таская блоки управления

и прочие приборы, повсюду ездили включённые не по графику уборочные роботы.

— Кто их одобрил-то? — спросил Толик.

— Сверху. Миссия дружбы, пора, мол, идти на тесный контакт. Светит, говорят, даже отмена закрытого режима. Мы сможем гулять по их станции, они — по нашей.

— Нехорошо.

— Ужасно, я бы сказал. Но на данный момент наша задача — встретить их как можно радушнее и показать как можно меньше. Тем более мы ни черта о них не знаем, даром что самая близкая к нашей станция. Из этого вытекает второе задание: разговаривать гостей, выяснить максимум об их методах, лабораториях и так далее. Понял?

— Угу.

Если бы сейчас в лабораторию Толика зашёл американец, он бы сразу всё понял. Выставленные напоказ образцы с триплексом, развешанные по стенам экраны с фотографиями. Конечно, этого не было видно через окно, выходящее к американской станции.

— Та-ак, — протянул Виктор Михайлович. — Чтобы завтра утром всё было сам знаешь как.

— Сегодня к вечеру закончу. Мне ещё поспать нужно.

— Не будешь успевать — значит, отмени сон, — строго заметил шеф. — Чай не человек, потерпишь.

Толик кивнул, оценивая объём работы. В принципе, не так и много нужно сделать: американцы же не полезут в его ящики без спросу. Он извлёк образец из-под микроскопа и направился к хранилищу.

3

Американцы оказались симпатичными, говорливыми и совершенно беспардонными. Они, не спрашивая, заходили в любые двери, тыкали во всё пальцами и задавали вопросы, на которые ни у кого не было готового ответа. По-русски они говорили очень плохо, пришлось вызвать переводчика, андроида со встроенной программой английского языка. Толик удивлялся, как это в качестве то ли послов, то ли шпионов были отправлены не полиглоты. Он учил английский язык самостоятельно, безо всякой програм-

мы; не заточенная под иностранные языки память упиралась, но Толик день за днём вдавливал в неё знания, могущие когда-либо пригодиться. Теперь он радовался, что такой день настал.

Ожидая американцев в своей лаборатории, он сидел как на иголках, то и дело вскакивая и начиная ходить кругами. Монитор наблюдения показывал, что гости ещё довольно далеко, но с каждой минутой Толиково сердце билось всё сильнее и сильнее.

Наконец экскурсия, ведомая Виктором Михайловичем, добралась и до его отсека. Сначала американцев по всей территории должен был водить начальник станции Алексей Петрович Благин, но в последний момент поступил приказ отказаться от такого подхода. Американцам, как заметил кто-то, не следует чувствовать показуху. У них должно сложиться впечатление, что вокруг — обычный рабочий процесс, что даже рядовые учёные с трудом отрываются ради них от дел, а уж у начальника станции и вовсе есть буквально пять минут на краткую встречу.

Гостей было двое — Гленн и Джим. Гленн — постарше, лет пятидесяти, серьёзный и разбирающийся во всём на свете — возглавлял на американской станции один из секторов, подобно Виктору Михайловичу. Джим был рядовым специалистом, в качестве парламентаря его выбрали, видимо, по причине молодости и перспективности. Именно за Джимом приходилось приглядывать с особым тщанием.

Экскурсия прошла нормально.

— Вот, — говорил Толик, — полиморфы обыкновенные. Так как они являются единственными формами жизни, сохранившимися на Марсе, мы тщательно их исследуем, пытаюсь приспособить под нужды человечества, например в медицинских целях или в качестве топлива. Правда, пока, как вы понимаете, особых успехов не добились. Если бы добились, такая бы шумиха поднялась! — и он натужно улыбался собственной плоской шутке.

Джим, электронщик, очень заинтересовался программным обеспечением для российского микроскопа. Глядя на экран во время демонстрации полиморфа, он усмотрел какие-то незнакомые функции, о которых начал живо расспрашивать Толика. Тот краем глаза посмотрел на Виктора Михайловича. «Можно», — кивнул шеф.

Виктор Михайлович, Гленн и переводчик вышли, потому что беседа о программах могла затянуться надолго. Толик понял, что шефа целиком и полностью устраивал интерес Джима. Ну, догадаются американцы построить в свой микроскоп, скажем, вспомогательную цветокоррекцию, хуже от этого не будет. Лучше отвлекать малым, чтобы случайно не сдать главное.

— Это мы разработали сами, — с гордостью говорил Толик, показывая хитроумную подпрограмму, способную раскладывать полиморфа на составляющие, точно лягушку на операционном столе. — То есть на Земле таких подпрограмм нет, мы им не пересылали.

— Мы тоже часть разрабатываем самостоятельно, — вторил ему Джим.

Через некоторое время Джим между делом заметил:

— Давненько я на Земле не был.

Толика точно током ударило. На несколько мгновений он онемел, но затем взял себя в руки, понимая, что демонстрировать удивление нельзя.

— И часто вас на Землю отпускают? — спросил он.

— Ну-у, — протянул Гленн, — раз в полгода месячный отпуск, но я последний пропустил из-за работы, дочку только на фотографиях видел...

Второй удар. Теперь Толик замолчал надолго.

— Что-то случилось, Анатолий? — спросил Джим. — Вам плохо? Может, нужно кого-либо позвать?

Тот покачал головой:

— Всё нормально.

У него крутилось множество мыслей. С тем, что американских андроидов отпускают на Землю, он был готов смириться. У них всё иначе. Вон даже французских не отпускают, он лично общался. Но наличие у полуробота детей оказалось для него совсем удивительным.

Затем мысли Толика переключились на то, почему его вообще допустили к приватной беседе с Джимом, раз могли открыться такие подробности. Но этому он достаточно быстро нашёл объяснение: не исключено, что наверху тоже толком не знали особенностей американского станционного быта.

Наконец, подумал Толик, есть один вариант, при котором всё сходится: Джим — человек, и на американской станции работают равно люди и андройды — или вообще только люди. Вот тогда-то, вспомнив вчерашний разговор с Максимом, Толик и решился.

— Джим, а можно задать вам вопрос, не связанный с работой?

— Конечно, — широко улыбнулся американец.

— Джим, вы человек?

Тот сделал недоуменное выражение лица.

— А кем я ещё могу быть? Так похож на инопланетянина? Или вы думали, что у американцев по шесть щупалец и восемь глаз на спине? — сказал он с улыбкой.

— Нет, нет, всё нормально, — ответил Толик. — Я имел в виду, не андроид ли вы.

Джим пожал плечами.

— Гм... Боюсь, даже если наши технологии позволяли бы делать андроидов такого уровня, их вряд ли посылали бы на Марс. Для них и внизу хватило бы работы.

Толик молчал. Он смотрел на свои руки и думал, зачем андроидам уникальные отпечатки пальцев и линии на ладонях. Раньше он никогда не задумывался об этом.

— Точно всё в порядке? — спросил Джим.

— Всё хорошо, правда.

Но дальнейший разговор о науке совершенно не клеился. Конечно, Джим заметил изменения в состоянии собеседника. Толик стал забывать английские слова, путаться в терминологии и, что самое главное, потерял всякий интерес к дискуссии о микроскопах и электронике. Джим сделал собственные выводы о состоянии Толика.

— Анатолий, какие-то мои слова вас сильно задели? Простите, я не хотел.

— Ничего, ничего, — повторял Толик.

Они распрощались минут через пять, когда в лабораторию снова зашёл Виктор Михайлович, на этот раз один.

— Ну что, всё обсудили?

— Конечно, — через силу улыбнулся Толик.

— Прекрасно. Пойдёмте, Джим.

Переводчик остался с Гленном, но на простейшем бытовом уровне Виктор Михайлович мог без него обойтись.

Напоследок шеф оглянулся и сказал:

— Сам понимаешь, завтра чтобы у меня на столе лежал подробный отчёт о вашей беседе и обо всём, что удалось выяснить.

Толик кивнул. Он думал о том, что разговаривал с самым настоящим человеком. Которому теоретически был закрыт доступ на Марс.

4

Толик мчался через коридоры станции к медицинскому отсеку. Две минуты назад его вызвали по интеркому и сказали, что с Максимом беда. И Максим готов общаться только с Толиком, никак иначе.

У дверей его встретил доктор Парнов, подтянутый, как и все остальные обитатели станции, в белом халате с маленькими красными серпом и молотом, вышитыми на кармане.

— Что с ним?

— Пытался покончить с собой. Общаться с психологом отказался. Только с вами, больше ни с кем.

Они шли по коридору.

— Попробуйте его разговорить, Анатолий, — продолжал доктор. — Возможно, он что-либо вам скажет. Это первый подобный инцидент в истории станции, нельзя допустить рецидивов.

— Конечно, конечно, — кивал Толик.

В палате Максим лежал один. Белая кровать, белые стены, большой экран, интерактивная панель управления, доступ в сеть.

Толик присел на стул у кровати.

— Ты как? — спросил он.

Максим улыбнулся и приподнял руку. Запястье было перебинтовано.

— Зачем?

— Там вены, — сказал Максим.

— В смысле? Что — вены?

— Не инвар, не нейзильбер, не что-то такое, — ответил Максим и опустил руку. — Просто вены.

Толик снова и снова пытался растормошить Максима, говорил ему какие-то слова, расспрашивал, но Максим лишь улыбался и иногда повторял: «Там просто вены, Толик, просто вены».

5

Толик сидел в своей комнате. На пустом мониторе мигал курсор, приглашая к написанию отчёта.

Всего три дня назад он проснулся не в семь, а в семь ноль шесть.

Ещё он видел сон.

У американца есть дети, и он имеет право посещать Землю.

У Максима под кожей — вены.

Толик рассматривал свою руку, переводил взгляд на портрет Титова на стене, иногда смотрел на окно, за которым по-прежнему расстилались однообразные марсианские пейзажи нечеловеческой красоты.

Это же надо, думал он. Как придумали, как гениально сконструировали. Как замечательно нас всех сделали. Кто бы мог подумать, кто бы мог догадаться, что там, под кожей, под венами — сплав титана и никеля. Какая наука, кроме российской, может построить нас, самых совершенных в мире андроидов, способных видеть сны и выходить за рамки программы.

И даже сходить с ума, как Максим.

Верить в собственную человеческую сущность.

Толик ещё немного подумал и начал писать отчёт.

Примечание автора

Как ни странно, этот рассказ написан по мотивам стихотворения. Причём не моего, а замечательной поэтессы Даны Сидерос. У неё есть целый цикл стихов, начинающихся со слов «Один мой друг...». Это, конкретное, рассказывает о человеке,

уверенном в том, что он — андроид, и потому регулярно проводящем время в психоневрологическом диспансере.

Мне показалась интересной мысль об обществе андроидов, уверенных в том, что они — люди. Или об обществе людей, уверенных в том, что они — андронды. Я размышлял над тем, до какой степени веры может прийти человеческий рассудок, чтобы эта вера воспринималась как нечто аксиоматическое, естественное, не требующее никаких чудес, подтверждающих её справедливость.

Я не уверен, что у меня получилось. Я не люблю научную фантастику и крайне редко обращаюсь к этому приёму (я воспринимаю фантастику именно как приём для обозначения некой идеи, а не как жанр), и потому вынужденное перенесение действия на Марс поставило передо мной целый ряд проблем. Получилось ли их решить — судить не мне.

Содержание

Предисловие	3
Лезвие	5
Быстрые рассказы	7
Игры демиурга	8
Время хорошего человека	21
Тихие игры	37
Здравствуй, Каин	61
Подземелья Третьего Рима	74
Каталог Киллинсби	89
Медленные рассказы	101
Последняя гонка Рэда Байрона	102
Теория невербальной евгеники	127
Человек и его ракета	156
Несгибаемые	163
Мат слоном	185
Фотограф	219
Странные рассказы	233
Умереть в Риме	234
Вернуться героем	243
Шэннон Маккормик	262
Слово мальчика Мишко	273
Один мой друг	284
Слова и перчатки	297
Песня о любви к лошадям	306

Где и как купить бумажные книги?
Где и как купить электронные книги?
Как они выглядят?

Все о книгах издательства «Фантаверсум»:

<http://www.fantaversum.ru>

ООО «Фантаверсум»
141410, Московская обл., г.Химки, ул.Молодежная, д.70
www.fantaversum.ru
post@fantaversum.ru

Талант Тима Скорченко появился так стремительно, что многие любители отечественной фантастики не успели прочесть его книги, хотя слышали о нём практически все. Отгадка проста: раньше Тим занимался музыкой — выступал с концертами, писал прекрасные стихи и учебники по стихосложению, получал призы на музыкальных фестивалях. А в какой-то момент переключил свои таланты на литературу — и это выглядело вспышкой. За несколько лет — три книги и множество журнальных публикаций, высокие оценки критиков и престижные литературные премии, в том числе «Бронзовая улитка» Бориса Стругацкого.

В своей книге рассказов Тим использует самые разные миры: здесь ковбои и автогонщики, московские диггеры и иностранные спецслужбы, магия и космос. Но везде мы видим авторский почерк: точность психологических портретов, пронзительная лаконичность и — энергия. Яркая, современная, бьющая через край энергия действия. Плюс хороший стиль, за которым угадывается богатый литературный багаж автора, и, конечно же, огромный запас человеколюбия и веры в то, что на самом деле, несмотря на все беды героев, на Земле когда-нибудь всё будет хорошо.

Леонид Каганов

Талейдоскоп — это устройство, разновидность калейдоскопа, в котором меняющийся узор строится из отраженных зеркалами фрагментов видимого мира. Так же и в нашей одноименной серии: каждый рассказ слагает новый рисунок реальности, преломленной сквозь линзу мировосприятия автора и причудливо отраженной гранями фантастического вымысла.

ISBN 978-5-905360-15-2

9 785905 360152